

ТЕКСТ

УДК 811.161.1

О СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТРИАДЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Л.М. Костычева

Аннотация

Статья посвящена проблемам метаязыковой интерпретации художественного текста, семантическая организация которого понимается как трехуровневая иерархия теоретических пространств – значения, смысла, концепта. Крайне неоднозначные, названные понятия получают свои уточненные дефиниции, которые подтверждаются данными лингвистического эксперимента.

Многообразие разноаспектных работ, посвященных феномену художественного текста, и в начале третьего тысячелетия не дает четкого представления о том, какие доминанты и в какой иерархии составляют его уникальную семантическую структуру, а также насколько велик метаязыковой инструментарий лингвистов, занятых в сфере текстового декодирования. По-прежнему переживая «экспансионистский» период развития [1, с. 20], находясь в прямой зависимости от ряда смежных дисциплин (не только собственно лингвистических, но и социо-, психо-, этно-, нейролингвистических и, конечно, литературоведения), в «наши дни лингвистика и теория текста с их приоритетным объектом, художественным, обнаруживают признаки кризиса» [4, с. 13–14].

Традиционно бинарная система понятий, состоящая на службе лингвистов-текстологов (диктум/модус – Ш. Балли; объективная/субъективная модальность – В.В. Виноградов; «зона фактов»/«зона обработки фактов» – Г.В. Колшанский; фактуально-содержательная/концептуально-содержательная информация – И.Р. Гальперин и др.), оказалась несостоятельной под давлением плодотворных идей когнитивистики, семиотики, герменевтики, концепции изотопии и даже находящейся в процессе становления теории речевой коммуникации. Понятия *интер-*, *гипер-*, *метатекст*, *когерентность*, *концептуальная и художественная картина мира* формируют многомерность современных лингвистических оценок текста, напрямую не соотносимую с двухвекторными «означаемое – означающее».

Четко определить минимально необходимое и одновременно достаточное множество метаединиц, способных объяснить уникальную сущность художественного текста, – установка целого ряда комплексных исследований последних

лет [2; 3; 4 и др.]. Задача настоящей статьи – ограничиться в выборе таких понятий, которые удерживали бы лингвиста в семантической зоне действия самого текста (единственно объективной данности прикладного анализа), уточнить эти понятия с учетом имеющихся в специальной лингвистической литературе сведений.

Стремление не преступить принципы научной объективности, т. е. не смешивать зоны порождающей (репрезентирующей авторский замысел) и интерпретирующей компетенции¹ (репрезентирующей установки читателя) не означает при этом отрицания презумпции экстратекстуальных представлений о художественном тексте. Можно предполагать, что содержанием «Медного всадника» А.С. Пушкина является констатация двуличия российской государственности, «Мертвых душ» Н.В. Гоголя – доказательство мертвенности любого типа буржуазного предпринимательства в России, «Преступления и наказания» Ф.М. Достоевского – предостережение от любого индивидуалистического бунта, «Войны и мира» Л.Н. Толстого – утверждение народного мирозерцания в качестве доминанты русской ментальности, но это знание не имеет своей прямой номинации в текстовом пространстве перечисленных произведений и составляет основу умозрительной содержательной структуры интерпретатора.

Принципиальной для нас является необходимость по возможности осознать границу между двумя разнонаправленными составляющими экстратекстуальности – семантикой текста как целостного результата речевой деятельности автора и семантикой текста как объективного источника исследовательского прочтения. Представляются ценными в этой связи результаты эксперимента, проведенного нами с целью проанализировать механизмы воздействия на адресата так называемых «свернутых микротекстов» (выражение Н.М. Шанского) – заголовков.

Выявить, в какой степени интерпретатор-профессионал испытывает «тяготение» языка и существует ли рубеж между сферами *автор – не автор*, позволил анализ подзаголовков (формализация тезиса текста), предложенных студентами-филологами к списку несуществующих названий, а также прогноз, касающийся жанровой принадлежности предлагаемого варианта:

Прозаседались (или еще раз о советском бюрократическом наследии – фельетон; очередная история из жизни наших чиновников – юмористическая новелла; или как не хватает Маяковского – памфлет и др.); **Он будет убит вчера** (детективная история о неотвратимости убийства; воспоминания о необыкновенном эпизоде на войне – повесть; или война миров продолжается – фантастический роман др.); **Из розовой мглы** (романтическая история о влюбленных – повесть; о необыкновенных превращениях современной «золушки» – повесть; или еще раз о том, что ничего нельзя изменить – повесть; о несбывшихся мечтах нашего современника – роман и др.); **На перекрестке** (повествование о важном событии в жизни человека – повесть/роман; история о взаимоотношениях двух людей – рассказ; встреча, изменившая жизнь – повесть и др.); **Чужбина, родина и я** (стихотворение об отношении автора к родине; лирические размышления странствующего поэта; горестные воспоминания эмигранта – эссе и др.); **Капочка** (эпизод из жизни наивного – повесть; короткий рассказ о том, как не

¹ Аргументы в пользу необходимости разграничивать «порождающую» и «интерпретирующую компетенцию» мы находим в кн. Растье Ф.: «Интерпретирующая и порождающая компетенция, безусловно, имеют сходные черты; но нельзя утверждать, будто одна есть порождение другой» [5, с.12].

следует поступать; или трагедия очередного мечтателя – повесть; повесть о том, как видит мир ребенок и как ему потом тяжело в реальной жизни и др.); **Шагом по экватору** (или заметки путешественника – научно-публицистические зарисовки; размышления женщины «бальзаковского возраста» о своей судьбе – роман; короткие рассказы об увиденном за рубежом; о том, что еще есть страны, где время замедляет свой бег – цикл эссе и др.); **Эх, прокатимся** (юмористическая история, произошедшая на катке – новелла; короткий рассказ о смешных зимних забавах и др.); **Зачем?** (размышления о смысле жизни – повесть/роман; или обязательно ли нужны ответы – эпистолярный жанр; страшная история о чем-то, чего не должно было быть – повесть и др.); **Под копирку** (веселая история школьника – новелла; история из жизни человека, который не имел своего мнения – рассказ; забавное происшествие в учебном заведении – новелла и др.); **Покаяние** (воспоминания пожилого человека – роман; о трагической судьбе человека – роман; роман о запоздалой мудрости; о муках совести человека, совершившего какой-то проступок – повесть и др.).

При обработке полученных данных было очевидно, что умозрительная обработка предъявленных (по сути ключевых) знаков сводится к преобразованию их линейной формы в нелинейную конфигурацию и сопровождается поиском аналогичных содержательных фигур в языковом сознании по принципам известности/частотности/конвенциональности и др. Это, однако, не означает хаотичности мыслительной деятельности адресата и, как результат, неограниченной вариантности предлагаемых трактовок. Напротив, и в нашем эксперименте предел толкования оказался весьма ограниченным и предсказуемым: в любом из предложенных подзаголовков «пусковым механизмом» интерпретации выступает лексическое значение «входа».

Именно лексические, фонетические, грамматические единицы и категории (анализ которых традиционно отличал лингвоцентрический подход к тексту) являют собой проекцию авторского сегмента в семантическом пространстве текста; такие же его характеристики, как объем, сюжетно-композиционные изыски, отнесенность к известным КСВ (термин *конструктивно-стилевой вектор* принадлежит В.Г. Костомарову), – плод лингвокультурного сознания читателя. Для последнего заголовок становится тем первичным «смысловым гибридом» (выражение М.М. Бахтина), который подключает его к другому семантическому полю и которым читатель-соавтор оперирует как готовым блоком при создании и интерпретации собственного текста.

Отсюда и пестрота жанровой принадлежности конструируемых текстов.

Прогнозы, связанные с семантическим объемом (количеством сюжетных линий, геометрией образной системы, удельным весом авторского «Я» и др.), строились на базе пресуппозиционных знаний, конечно, типа художественного мышления интерпретатора и его принадлежности к определенной лингвокультуре. Без сомнения, демонтируя исходную языковую посылку, каждый участник эксперимента создавал новый текст, никак не ограничивая себя в конструировании. Из системы декодируемой язык превратился в систему кодирующую.

На наш взгляд, процедура присвоения текста предложенному заголовку представляет собой синтез как минимум двух мыслительных операций: понимания и интерпретации. С одной стороны, под давлением собственно языковых конвенций в памяти восстанавливается полный (включая вторичную номинацию) лексический и грамматический объем значения, закрепленный за данны-

ми единицами языка, а с другой – «появляются слова и высказывания, претендующие на то, чтобы быть последней инстанцией, определять все остальное, подчиняя его себе. Слово в этих условиях выходит за пределы языка, сливается с мыслью и действием, актуализирует свои внеязыковые потенции» [6, с. 195].

Представляется оправданным в этой связи разграничение понятий *интерпретирующий словарь* и *интерпретирующая энциклопедия*. Словарь, даже если принять во внимание, что заголовок является «двойником» метатекста, ограничивает сферу толкования пределом системного, т. е. языкового противопоставления *этих* единиц всем *другим* в части их отнесенности к определенным ЛСГ, узальной иokkaзиональной сочетаемости, словообразовательным типам, классам словоформ в полном списке их категориальных признаков, синтаксическому моделированию и др. Иными словами, *словарь*, будучи средством формализации авторских «сгустков сознания», – это готовый блок устойчивого содержания-знания, который вырабатывается на основе пользования естественным языком. Понятие интерпретирующего словаря может быть соотнесено с понятиями «коммуникативный фрагмент» [7, с. 122], «реконструктивная интертекстуальность» [8, с. 19–20], «интекст» [9, с. 138–142], «эпизодическая память» [10, с. 53] и др.

«Интерпретирующая энциклопедия» – мыслительные операции более высокого уровня абстракции, позволяющие включать данный текст или его фрагмент в контекст *других* текстов, представлений и стандартных символов, культурных клише, за которыми закреплено содержание, связанное устойчивыми ассоциативно-логическими связями с данным (*этим*) текстом. Энциклопедия – полный объем памяти, связанной с выработанным в рамках конкретного культурного пространства – на основе пользования естественным языком – комплексом знаний о мире. Предложенное понятие изоморфно понятиям «семиосфера» (семиотическая модель мира, закрепленная в данной культуре) [10, с. 223], «конструктивная интертекстуальность» [8, с. 19–20], «интертекст», когда «список источников не может быть окончательным» [9, с. 138–142], «семантическая память» [3, с. 53], «инвариантные образы мира», которые «являются *социально выработанными*» (курсив наш. – Л.К.) [11, с. 11–12] и, конечно, «далекий контекст», о котором писал М.М. Бахтин и где «нет ни первого, ни последнего слова и границ диалогическому контексту – он уходит в безграничное прошлое и безграничное будущее» [12, с. 353].

Специфику взаимоотношения «словаря» и «энциклопедии» как информации, которая возбуждается в интеллекте непосредственно под воздействием совокупности языковых средств, и информации, привлекаемой извне («враздробь»¹), можно образно представить на примере любого физического тела, которое обязательно рассматривается в двух системах координат: со стороны своей величины и со стороны своего веса. Именно в измерениях «семантический объем» и «семантическая масса» весьма наглядно может быть представлена и семантика текста.

¹ Очень точное наименование описываемых мыслительных механизмов со ссылкой на писательский опыт И.С. Тургенева и А.П. Платонова мы находим у В.А. Лукина в связи с определением художественного гипертекста [4, с. 220–221].

Например, «семантическая масса» удобного для анализа в пределах статьи поэтического текста А. Блока «Ночь, улица, фонарь, аптека», безусловно, связана в сознании адресата, во-первых, с включением стихотворного словаря в контекст иных текстов этого поэта, в первую очередь наиболее частотных репрезентантов авторского смысла, а во-вторых – со сравнением поэтического наследия автора с аналогичными образцами русской эстетической мысли. Она может быть представлена следующим метатекстом: *В осмыслении жизни поэт находится под влиянием трагедийного мироощущения поэтов русского декаданса конца XIX – начала XX веков. Биологическая жизнь изначально есть смерть, поскольку никто не может что-либо изменить в незыблемом и страшном («ночном») мире. В безысходности всего живого, по Блоку, мы убеждаемся и на примере других «статей» энциклопедии поэта: «Дохнула жизнь в лицо могилкой», «Кольцо существованья тесно», «Пусть светит месяц – ночь темна», «Я коротаю жизнь свою» и др.*

Семантическую массу интерпретирующей составляющей художественного текста мы обозначаем, следуя традициям концептологического направления филологии, термином *концепт*. В своей основе это единое, не всегда поддающееся сегментации впечатление (образ, гештальт, аккорд, мозаика), представляющее собой умозрительный текст, который создает интерпретатор параллельно авторскому в процессе чтения, неизбежно что-либо добавляя к нему или опуская, так что исходный текст теряет свою имманентность и кристаллизуется в языковой памяти читателя в виде сгустка сознания. Надо сказать, что данное понятие уже имеет в лингвистике текста достаточно успешную, хотя и молодую, историю своего изучения (работы А. Вежбицкой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова и др.). Описание семантической зоны действия концепта в контексте интерпретирующей энциклопедии языковой личности убедительно доказывает факт, что такая логика исследования не только не определяет, но даже не дает представления о собственно авторском семантическом потенциале. Представленный метатекст в равной степени может иметь прямое отношение как к другим текстам А. Блока, так и к творчеству писателей различных периодов развития литературы и различных эстетических систем.

Интерпретировать не значит *понимать*. Если первое связано с логическими процедурами дифференциации (т. е. выявления общего/различного между «входом» и «выходом» в пределах интерпретирующей энциклопедии), то второе – с процедурами идентификации (т. е. сопоставления реконструированного и исходящего семантического объема в рамках интерпретирующего словаря)¹.

Исследовательским инструментарием *семантического объема* являются понятия *значение* и *смысл*. Репрезентируя различные уровни порождающей компетенции (язык/речь), эти составляющие семантической организации художественного текста являют собой различную степень теоретического абстрагирования. Достаточно сравнить выявление особенностей названного текста А. Блока в его линейном развертывании (понимание отдельных языковых эле-

¹ Сходные размышления о необходимости различать «понимание» и «интерпретацию» в связи с разграничением понятий «текст» и «произведение» мы находим в указанной работе В.А. Лукина на с. 262. Интересно сравнить наши размышления и с выводами М.М. Бахтина о смысловых гибридах, под которыми он понимал всевозможные трансформации авторских идей в сознании читателя [12, с.45].

ментов в их конвенциональном значении) и попытки в умозрительном пространстве скомпоновать ключевые компоненты этого же текста (идиоглоссы [13, с. XXXVII]).

1. На синтаксическом уровне выявляется преобладание сложных бессоюзных и фразеологизированных структур, состоящих соответственно из номинативных бытийных частей с нульместными предикатами, самодостаточной пропозицией и персуазивным значением достоверности (*Ночь, улица, фонарь, аптека, бессмысленный и тусклый свет*), а также односоставных построений глагольного оформления с обобщенно-личным значением (*Живи еще хоть четверть века; Умрешь – начнешь опять сначала*). Формантами пропозиций выступают глагольные формы повелительного наклонения с частным значением допущения (*живи*) и форма будущего времени со значением будущего повторяющегося (*повторится*). Особого внимания заслуживают факты отсутствия союзов – тире манифестирует противительный характер связи пропозиций (*Живи еще хоть четверть века – исхода нет*), двоеточие – последующее разъяснение (*И повторится все, как встарь: ночь...*) и незаменность позиции адресата при императиве.

2. На морфологическом уровне очевидна явная глагольно-именная оппозиция, а именно форм именительного падежа существительных, относящихся к нарицательному конкретному, неодушевленному грамматическому классу, и глагольных простых форм будущего времени (*умрешь, начнешь, будет, повторится*) и обобщенно-личных глагольных форм в повелительном наклонении. В сильной позиции подлежащего находятся два определительных местоимения *все*, выступая как обобщающая словоформа по отношению к существительным.

3. На лексическом уровне в тексте выявляются два лексико-семантических поля с инвариантными значениями «окружающий мир» и «человек». К первому относятся *ночь, улица, фонарь, аптека, свет, канал – все*. Второй – не имеет своей номинации, но, находясь в имплиците, однозначно понимается как ты, т. е. *все*, будучи облигаторными компонентами сочетаемости при фазовых глагольных лексемах *умирать, начинать, жить*. Кроме того, обращает на себя внимание ряд лексем темпоральной семантики – *четверть века, сначала, встарь* с ядерным значением «длительный период времени» и «цикличность времени».

Достаточно утомительное, но необходимое в практике скрупулезного лингвистического анализа препарирование синтагматики текстовой ткани¹ имеет своей целью выявить все лексико-грамматические значения составляющих текст единиц. Конечно, для анализа более крупных по объему художественных текстов применяются специальные – не столь «микроскопические» – методики (алгоритмы) анализа (см., например, алгоритмы И.В. Арнольд, Л.Г. Бабенко и др.), что, однако, не умаляет главного: отсутствие устойчивых навыков такого анализа обязательно приводит лингвиста к *подмене того, что является значением текста, тем, что составляет его смысл*. При этом именно метаязыковая компетенция (знание форм, категорий, классов и их языковых значений) позво-

¹ Семантический уровень значения текста, на наш взгляд, логично определять понятием *семантическое пространство*, чаще используемое текстологами для обозначения всей содержательной стороны текста, а именно характеристики и линейно расположенных знаков и совокупности смыслов [2, с. 98].

ляет *объективно* выявить и оценить ключевые компоненты синтагматической цепи, установить тип и выстроить модель тематической сетки.

Что касается понимания смысла текста, «зашифрованного» автором в линейной последовательности текстовых элементов, он восстанавливается за счет их структурирования, вернее деструктурирования¹, и не имеет права выйти за границы комплекса значений, выявленных в тексте. Гарантом объективности лингвиста при этом выступает знание парадигматических (ассоциативных) законов языка, с одной стороны, и языковая память, включающая данный текст в ряд аналогичных, – с другой.

Смысл стихотворения А. Блока может быть выражен следующей метатекстовой формулировкой: окружающий мир независимо от того, с чем конкретно сталкивается человек (Блок неслучайно как бы беспорядочно «выдергивает» из реалий не связанные между собой фрагменты), незыблем и вечен (статичность пространства изображается в сочетании с динамичностью времени: и встарь, и теперь, и потом, т. е. всегда). Этот мир (*все*) темный, тревожный, пугающий, опасный (ассоциативный ряд частотных характеризующих признаков при лексеме *ночь*), ледяной, колючий, враждебный, равнодушный, презирующий (из потенциальной сочетаемости *ледяной взгляд*), и никакой свет не может осветить его; он будет тусклым всегда, потому что он ничто в сравнении со всем, значит, бессмысленный. Человек же, точнее каждый из нас (*мы все* следует из языкового опыта понимать незамещенность позиции адресата как полиадресацию, в том числе и автоадресацию), обречен в стремлении противостоять ему. Сколько бы жизней мы ни имели, вокруг нас не изменится ничего. То, что *исхода нет* (авторская формулировка смысла), порождает состояние безразличия ко всему, отстраненности, нежелания склеить в другой – цельный, последовательный, «нераздерганный» (отсутствие средств связи) – сигнал нейтрализации «Я» говорящего в части установления каких-либо связей между пропозициями или их фрагментами.

Представляется очевидным, что смысловой сегмент семантической организации художественного текста формируется на уровне его парадигматических связей, имеет имплицитный характер, являясь своеобразным «ключом» для доказательств аксиомы: понимание текста не есть сумма понимания его элементов. Это не означает, однако, что смысл – это область исключительно толкования. Смысл – органическая часть знакового продукта и, следовательно, должен пониматься как реализованная средствами языка, актуализированная во времени и пространстве (аспектуальные характеристики) задача автора, связанная с его – *личностной* – интерпретацией «положения дел» («события», «ситуации»).

Семиотическое родство значения и смысла (специальная литература ориентирована в большей степени на параметры разграничения этих понятий в контексте психолингвистической проблематики разграничения языка и речи) впервые было установлено семиотическим направлением в изучении знаковой природы языка, в частности в работе Л.С. Выготского «Мышление и речь». «Смысл, – писал исследователь по отношению к слову, – представляет собой

¹ Термины, аналогичные нашим рабочим понятиям и обозначающие те же процедуры текстового декодирования, мы находим в работе И.П. Смирнова, который также разграничивает конструктивный и реконструктивный интертекст [8, с. 19–20].

совокупность всех психологических фактов, возникающих в нашем сознании... Смысл слова... оказывается всегда динамическим, текучим, сложным образованием, *которое имеет несколько зон различной устойчивости* (курсив наш. – Л.К.). «Значение» есть только одна из зон... и притом зона, наиболее устойчивая, унифицированная и точная... Значение есть тот неподвижный и неизменный пункт, который остается устойчивым при всех изменениях смысла слова в различном контексте. «Значение есть не более чем потенция, реализующаяся в живой речи, в которой это значение является только камнем в здании смысла» [16, с. 347].

По отношению к тексту невозможно переоценить и вывод Л.С. Выготского, сделанный на базе сопоставления значения и смысла: в отличие от значения, *смысл не является неразрывно связанным с определенной знаковой формой, отделен от знака*. Вот почему всегда существует возможность выразить один и тот же смысл различными знаковыми комбинациями. Смысл неисчерпаем и никогда не является полным.

В аналогичном русле суждений о значении и смысле находились и теоретики отечественной психолингвистики А.Н. Леонтьев, А.А. Леонтьев, А.Р. Лурия, В.А. Звегинцев. По мнению А.Н. Леонтьева, например, если смысл выражает «отношение мотива к цели», то значение выражает независимое от личности отношение к объективной действительности. «Смысл выражается в значениях (как мотив в целях), а не значение в смыслах» [14, с. 300–301]. А.Р. Лурия, рассуждая о различных семантических вариациях значения слова «уголь» с точки зрения различных пользователей этим словом, приходит к выводу о том, что смысл – это «*индивидуальное значение*» (курсив наш. – Л.К.) [15, с. 61].

Представление о двойственной природе смысла, выявляющейся только через взаимообусловленность факторов *автор* и *адресат*, в новом свете позволяет осмыслить и гениальные положения М.М. Бахтина о природе смысла в области поэтики художественного текста: «Смыслами я называю ответы на вопросы. То, что ни на какой вопрос не отвечает, лишено для нас смысла. <...> Смысл потенциально бесконечен, но актуализоваться он может, лишь соприкоснувшись с другим (чужим) смыслом, хотя бы с вопросом во внутренней речи *понимающего*» (курсив наш. – Л.К.). Каждый раз он должен соприкоснуться с другим смыслом, чтобы раскрыть новые моменты своей бесконечности (как и слово раскрывает свои значения только в контексте). <...> Не может быть «смысла в себе» – он существует только для другого смысла, то есть существует только вместе с ним» [11, с. 350–351].

Свойство смысла оязыковляться только в «чужом слове» не противоречит вместе с тем данным собственно лингвистических, прежде всего синтаксических исследований о его первичной принадлежности *говорящему* лицу. В качестве доказательной базы могут быть использованы положения о разграничении понятий *предложение* и *высказывание* по шкале их отнесенности к языку и речи и о наличии условий актуализации для последнего – грамматических категорий времени и модальности (В.А. Белошапкова, В.Г. Гак), концепция асимметричных структур русского языка, исследующая факты неизоморфности планов выражения и содержания (Т.А. Колосова), типология внутритекстовых связей – релятивов, в большинстве своем имеющих имплицитный характер

(М.В. Ляпон), классификация модусных значений и понятие модусной пропозиции (Т.В. Шмелева, Е.М. Вольф), определение сущности и систематизация явлений экспрессивного синтаксиса (Г.Н. Акимова, О.В. Александрова) и, конечно, коммуникативный синтаксис (Г.А. Золотова).

Общим знаменателем синтаксических исследований, во-первых, является признание текста неэлементарной, но тем не менее единицей языка и речи, во-вторых, понимание текста как структуры, допускающей неограниченную вариативность лексического наполнения, в-третьих, определение статуса говорящего как конструктивной доминанты высказывания, в-четвертых, доказательство гипотезы о том, что свойства экспрессивности текста и его имплицитный характер находятся в прямо пропорциональной взаимозависимости, в-пятых, признание фактора «адресат» составляющей частью синтаксического моделирования и, наконец, раскрытие механизмов репрезентации пропозиций в рамках деятельностного подхода к изучению высказывания.

Аккумуляция собственно лингвистических знаний о тексте позволяет сделать вывод о том, что в основании его семантического объема, т. е. и значения и смысла, лежит презумпция «авторского». Только она детерминирует уникальную комбинаторику языковых средств, а за ними – не имеющую аналогов модель действительности (картину мира, образ мира). «Текст является не только продуктом обозначения мысли, но и образом этой мысли. Последний формируется скорее нелингвистическим контекстом» [17, с. 62]. Вскрыть «образ этой мысли» (в нашем понимании «смысл»), проанализировав «продукт обозначения мысли», т. е. «значение», и есть обеспечить *понимание* текста, а следовательно, личностных и социальных установок автора, психофона, миропонимания, типа мышления и т. п.

Таким образом, значение следует понимать как теоретическое пространство, связанное с уровнем языка писателя, создаваемое интерпретатором в соответствии с линейной формой текста с целью выделения в нем наиболее значимых элементов системности (семантический принцип анализа). Смысл – теоретическое пространство, связанное с уровнем речи автора, создаваемое интерпретатором в связи с выявлением принципа семантической организации текста, т. е. структуры (семиотический принцип анализа). Концепт – теоретическое пространство, связанное с уровнем речи читателя, создаваемое интерпретатором по мере постижения смысла и его сопоставления с аналогичными инвариантными образами мира (коммуникативно-прагматический принцип анализа). Значение и смысл соотносятся с концептом как основание и следствие, понимание и интерпретация, интерпретирующий словарь и интерпретирующая энциклопедия или, образно говоря, семантический объем и семантическая масса.

Summary

L.M. Kostycheva. On the Semantic Triad of a Literary Text.

The article deals with problems of metalinguistic interpretation of a literary text, the semantic organization of which is understood as a three-leveled hierarchy of theoretical knowledge spaces – meaning, sense and concept. Being very ambiguous, the given notions get their exact definitions which are confirmed by findings of linguistic experiment.

Литература

1. *Кубрякова Е.С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // *Язык и наука конца 20 века.* – М.: РГГУ, 1995. – С. 74–117.
2. *Бабенко Л.Г.* Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа. – Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 463 с.
3. *Денисова В.Г.* В мире интертекста: язык, память, перевод. – М.: Азбуковник, 2003. – 298 с.
4. *Лукин В.А.* Художественный текст. Основы лингвистической теории. Аналитический минимум. – М.: Ось-89, 2005. – 560 с.
5. *Растье Ф.* Интерпретирующая семантика. – Н. Новгород: Деком, 2001. – 368 с.
6. *Торопов В.Н.* О структуре романа Достоевского в связи с архаическими схемами мышления («Преступление и наказание») // *Торопов В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического: Избранное.* – М.: Прогресс, 1995. – С. 193–258.
7. *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ: Лингвистика языкового существования. – М., 1996. – 352 с.
8. *Смирнов И.П.* Порождение интертекста (1985). – СПб.: С.-Петербург. ун-т, 1995. – 186 с.
9. *Тороп П.Х.* Тотальный перевод. – Тарту: Тартуск. ун-т, 1995. – 246 с.
10. *Лотман Ю.М.* Семиосфера и проблема сюжета // *Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история.* – М.: Языки рус. культуры, 1996. – С. 206–238.
11. *Караулов Ю.Н.* Предисловие // *Денисова В.Г. В мире интертекста: язык, память, перевод.* – М.: Азбуковник, 2003. – С. 9–15.
12. *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1979. – 442 с.
13. *Караулов Ю.Н., Гинсбург Е.Л.* Язык и мысль Достоевского в словарном отображении. Лексический строй идиолекта. – М.: Азбуковник, 2001. – С. IX–LXII.
14. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М., 1981. – 584 с.
15. *Лурия А.Р.* Язык и сознание. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. – 320 с.
16. *Выготский Л.С.* Мышление и речь // *Выготский Л.С. Собр. соч.* – М.: Педагогика, 1982. – Т. 2. – 486 с.
17. *Зимняя И.А.* Предметный анализ текста как предмета говорения. – М., 1976. – 178 с.

Поступила в редакцию
11.12.07

Костычева Людмила Михайловна – кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка и русского языка как иностранного Казанского государственного университета.